

Сергей Пилипенко

По ту сторону
космоса

16+

Сергей Пилипенко
По ту сторону космоса

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Пилипенко С. В.

По ту сторону космоса / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Книга предлагает читателю два рассказа о людях, волею судеб оказавшихся на других планетах и самым уникальнейшим образом вернувшихся обратно в пределы досягаемости Земли. Каким образом все произошло и что помогало в этом – об этом на страницах самих произведений, во многом рассказывающих об инопланетной жизни и о том, в какие ситуации могут попадать сами люди, если всего лишь не будут исполнять кое-какие законы Земли. Рассказы интересны, остросюжетны и по-своему вполне реалистичны.

Пролог

Если Вам, как впрочем, и многим другим, еще не довелось побывать в космосе – это не беда. И, конечно же, не повод для огорчения.

Самые захватывающие приключения могут вполне заполнить Вашу повседневную пустоту и соорудить совсем иной мир для Вашего внутреннего погружения.

Но это не мир фантастики или чего-то подобного. Я назову его просто – космическими буднями. И спустя совсем немного Вы сами окажетесь в центре событий, оказавшись лицом к лицу с тем самым неизведанным, что давно и тревожно терзает в раздумьях душу.

Все это рядом и в то же время очень далеко. Но, впрочем, убедитесь сами. Самое интересное, как всегда, впереди...

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДНЯ

Предисловие

В своем эпохальном прошлом мы уже натворили чудес немало. И кое-что действительно досталось самой истории, которая и по сей день продолжает недвусмысленно предлагать нам все новые и новые варианты своего сложения, создавая собой базу, так называемой, правды вековой сохранности.

Ограничиваясь во многом только узаконенными правилами и достоянием свободной общественности, нам на долю, собственно говоря, připадает только частица или крупца той самой истории, что была, есть и еще возможно состоится далее, если хорошенько к ней же и приложиться самим умом.

Совершенной правды не знает никто, ибо она не слагается мысленно и односторонне.

Правда в истории – всегда вымысел. Или мнение тех, кто уже почил или просто анализирует уже прошедшее.

Фактически – это взгляды на жизнь или оценка времени посредством того состоящего ума, который определяет действительность.

Каков ум – такова и оценка.

Какова картина случившегося – такова и сущность самого события.

И все это в ведении ума. Того, который дан нам природно и от которого уже устала сама наша природа.

Как бы там ни было, но историческая правдоподобность все же существует и от того нужно отталкиваться, соглашаясь с тем или иным фактором воздействия на сам наш ум каким-либо очередным известием.

Во многом подетальная история запечатлена в самих людях.

Точнее, в факторах сложения экономически состоящей души, ответственность за которую несет наш природно исполненный мозг.

То есть, фактически, душа – это память.

Именно в ней все сложено какими-либо фрагментами, и она же ускользающе богата всеми теми сведениями, что действительно необходимы в плане воссоздания истории своей собственной человеческой жизни.

Сочетая всю память людскую, можно вполне разглядеть историю и в очередной раз подвергнуть ее умственному переделу, что значит, проанализировать до основания и выбраться, наконец, из какого-то создавшегося во времени жизненного тупика.

В этом, конечно же, поможет нам всем само время и, само собой разумеется, наука или та ее часть, на долю которой и připадает данное всеобщее оглашение.

Но то же время тормозит пока данную ветвь науки и тем самым приостанавливает весь ход технологически развивающегося прогресса.

Помочь ему в этом можем только мы сами. Каждый самостоятельно и все сообща, если действительно проложим дорогу к тому, что зовется умом и, отбросив в сторону излишние сомнения, начнем изучать то, что и ниспослано нам тем же временем.

А именно – временем нашего пробуждения.

Космос и мир не могут ждать вечно. Они ожидают того уже много веков. И тому есть действительные подтверждения.

Как не крути, но определенно виноваты мы сами. Слишком реальны внутренние побуждения в истинной наготе личных мыслей и ярко доверчивое отношение ко всему тому, что именуется категориями нашей жизненной активности.

Во многом это противоречит здравому смыслу, и суть приоткрывается уже только тогда, когда, как говорят, смерть застигает нас глаза.

Не доходя до этого всеприродного греха, все же можно вычислить и для себя долю возможного земного счастья и употребить его по равенству всех отношений, что и присущи на самой Земле.

И основная база такому поведению – наше собственное сознание.

Оно руководит и победоносно торжествует, принимая очередную глупость среды за здравость, а ситуацию времени – за основу.

В таком случае, душа остается в стороне и уже не воплощает завещанное природно в жизнь, а лишь категорично отрицает и провоцирует ко всякому абсурдному действию.

В таком противоречии, что не согласуется с самим природным смыслом существования человека в душе и теле, долго не пробыть.

Сама среда будет способна взорваться или оцетиниться, дав свой бой всему наносному и ложному.

Сами мысли возложат ситуацию и приведут к исполнению уже природно обоснованную суть всеземного тяготения.

Понять это – являлось бы главным.

Достичь хоть какого-то познания в том же – уже было бы стремлением к своему собственному выживанию и сотворению чудес дня в его радостном настроении и благозвучии.

Так что, как и всегда, дело за нами, и дело за всеми.

А пока познакомьтесь с другим.

Возможно, это всколыхнет сознание или подтолкнет его же к какому-то внутреннему решению. Всею своя сила. И есть она даже в таком.

Эта воистину фантастическая история и вовсе по своей сути не история, а одна из самых обыденных жизненных ситуаций для космических широт.

Но для тех, кто только собирается познавать это, вполне имеется определенный смысл в том, чтобы познать, что такое космическая реальность, и как сохраняется космическая суть превосходства.

Здесь нет ничего придуманного самостоятельно. И описанное можно вполне отнести просто к правде.

Речь будет идти о, так называемых, космических "ворах".

Это те, кто повседневно ищет части величин порядков других цивилизаций и на их базе творит свой целеустремленный мир.

Хотя возможно такое определение и не совсем точно отражает суть тех самых деяний.

Знакомство с жизнью иных существ, пусть даже по-своему неупорядоченных, но обладающих своей степенью ума, которая превосходит человеческую, лишь дополнит ваше собственное представление о других мирах и наполнит его некоторым смыслом.

Вы побываете на одной из планет и познакомитесь заочно с ее представителями. Но, иногда, даже такого знакомства достаточно, чтобы стараться избежать подобного в дальнейшем и поскорее совершить свое чудо земного характера, вполне способное предоставить возможность сохранения любого человека в пределах собственной обители жизни.

Возможно, представленная в рассказе реальность кому-то покажется просто сказочностью.

Но, не стоит относиться ко всему с таким уж легкомыслием.

В жизни происходит всякое. А порой, случается действительно и такое...

Глава 1. Полет

В красивом и теплом меховом обмундировании человек вышел на площадку, и практически сразу же со всех сторон его окружили фотокорреспонденты.

Засверкали лампы вспышек, и отовсюду послышались голоса. Молодой и веселый летчик бойко ответил на целую серию вопросов, а затем уверенно зашагал к своему самолету.

Его сопровождал всего один человек, явно желающий ему успеха и все время ограждающий от надвигающейся массы газетных врунов, как он называл собравшихся.

Ласково светило солнце, и по всему аэродрому гулял небольшой ветерок. Стояла ранняя весна, но в поле еще кое-где лежал снег.

Возле самолета летчик повернулся, еще раз поприветствовал газетчиков, и сам себе пожелал удачи.

– Ну, удачи тебе, Ретфорд, – сказал он тогда и, пожав руку сопровождавшему, взобрался в кабину самолета.

Оттуда весело помахал рукой и, закрыв над собой колпак, решительно приступил к запуску.

Вскоре над полем раздался небольшой гул, а затем следом взревел мощный двигатель. И почти мгновенно самолет тронулся с места, побежав по взлетной полосе.

Спустя какие-то секунды он взлетел в воздух и, сделав круг над аэродромом, скрылся за небольшой группой светло-серебристых облаков.

– Фу-у, – облегченно вздохнул сопровождавший и вытер капли пота со лба, – вроде бы все удалось, – тихо сказал он и тут же устремился к передвижному пункту управления самолетом.

Собравшиеся последовали за ним, но перед самым входом, человек остановился и, резко выбросив руки вперед, сказал:

– Нет, нет, нет. Сюда нельзя. Это испытания, а не какая-то показуха. Тем более, что вы своим шумом будете мешать. Идите лучше вон отдохните на солнышке, а я займусь своим делом. После, я сообщу результаты полета, а вы будете иметь возможность побеседовать с пилотом.

Со вздохом некоторого разочарования газетчики согласились и отступили в сторону. Тем не менее, из группы выделилась одна молодая особа и, весело подмигнув уже немолодому конструктору, попросилась внутрь.

– Ладно, заходите, – неожиданно согласился Уренсон и увел ее за собой.

Снаружи послышался свист и шумные восклицания в адрес обоих, но дверь намертво закрылась и скрыла шум от внутреннего состояния радиоузла.

Внутри было пять человек, и все они занимались отслеживанием полета.

– Как дела? – спросил быстро конструктор, устремляя свой взгляд на один из приборов.

– Нормально, – ответил один из них, лишь на секунду отрываясь от своего прибора и устремляя взгляд в сторону спрашивающего.

– Что ж, хорошо, – сам себе сказал человек и, усаживаясь в кресло, предложил юной журналистке место возле себя, – садитесь и сидите тихо.

– Не буду вам мешать, – ответила девушка и, сев в кресло, занялась сама собою.

Прошло некоторое время.

В помещении царил небольшой шум от работающих приборов и как-то успокаивал всех, включал сюда и молодую журналистку.

Время от времени раздавались команды, а откуда-то издали доносился голос самого пилота.

– Как самочувствие? – спросил конструктор летчика.

– Превосходно, – ответил тот и, судя по всему, засмеялся.

– Хорошо. Увеличьте нагрузку. Сделайте пол-оборота, проверьте качества в состоянии наклона. Не выходите за пределы зоны полетов.

– Слушаюсь, док, – ответил молодой голос, и в комнате вновь наступила тишина.

Люди отмечали на своих приборах полет и делали соответствующие записи. В то же время крутилась магнитофонная бобина, записывающая весь разговор вперемешку со всеми шумами.

Вскоре конструктор вновь вышел на связь и приказал, изменив маршрут, проверить другие качества.

– Есть, док, – весело последовал ответ, и снова наступила тишина.

Точнее, место человеческого голоса заменил небольшой, мирно сопровождающий весь процесс шум.

После завершения многих других проверок конструктор, явно довольный состоянием дел, дал команду на посадку.

– Разворачивайтесь и на базу, – кратко бросил он летчику и, положив свои наушники, отъехал на кресле немного назад.

Затем снова обмахнул пот со лба и, улыбнувшись, сказал девушке:

– Ну, вот и все. Думаю, эксперимент удался. Что будете писать?

– Что скажете, то и напишу, – поддержала улыбку журналистка и так же немного отъехала в сторону.

В это время в комнате будто что-то переменялось.

Лицо одного из прослушивающих шумы эфира внезапно исказилось, и он в судороге упал на пол, обрывая часть проводов и стаскивая небольшой прибор за собой.

Буквально через секунду то же произошло и с другими, не успевшими сбросить наушники и остававшихся в неведении происходящего.

Девушка и конструктор словно оцепенели.

Люди мертвыми лежали на полу. Их болью искаженные лица нервно подергивались, а из ушей, носов и ртов сочилась кровь.

Какой-то странный и непонятный вибрационный шум распространялся по всей комнате.

У девушки от ужаса расширились глаза, а горло сжало до невозможности. Она словно задыхалась.

Конструктор, придя немного в себя, быстро схватил ее на руки и буквально бросил в угол помещения, накрыв голову какой-то летной одеждой.

Сам же лег на пол и закрыл уши руками.

Через мгновение в помещении возник дополнительный шум, и часть приборов начала выходить из строя. Какая-то световая волна гуляла по радиоузлу и изошрялась над тем, что там находилось.

Такое состояние продлилось всего тридцать секунд.

Затем все внезапно исчезло, и в помещении вновь воцарилась тишина.

Только она была уже по-настоящему мертвая.

Конструктор приподнял голову и осмотрелся. Взгляд словно затуманился, а в голове раздавался невероятный шум и треск.

Он посмотрел на девушку, содрогающуюся, словно в эпилепсии.

Конструктор подполз к ней и, перевернув на живот, заставил вырвать все, что было внутри.

Спустя минуту, девушке действительно стало легче. И теперь она непонимающе смотрела на человека, еще несколько минут назад бывшего довольным и радостным от своей победы.

Уренсон посмотрел ей в глаза и покачал головой.

– Ни-к-к-кто н-н-не д-д-должен уз-знать пра-а-авду, – едва-едва проговорил он, так как его челюсти словно сомкнуло током, – в-вы м-меня п-поняли?

– Д-да, – так же заикаясь в страхе, ответила девушка, – а, что это б-было?

– Н-не зн-наю, – покачал головой Уренсон и пополз к аппаратам, желая посмотреть, что там с остальными.

– Н-н-е ход-дите, – только и сказала девушка, как вдруг над конструктором возникло небольшое облачко и, покружив в комнате, куда-то мгновенно исчезло.

– Это испарение, – словно очнувшись, произнес Уренсон и довольно бодро встал на ноги.

Затем подошел поочередно к лежащим и проверил их пульс.

– Все погибли, – сокрушенно сказал конструктор и с удивлением принялся осматривать аппаратуру.

Кроме обычного замыкания он ничего не обнаружил.

– Черт, возьми, – выругался он в недоумении, – не могли же они от этого богу душу отдать? – и он взялся за один из наушников.

В ту же секунду его ударило, словно током и даже подбросило вверх, после чего вновь выскользнуло какое-то облачко и стало невидимым.

– Ради бога, не трогайте ничего руками, – взмолилась девушка, к этому времени уже немного отошедшая от случившегося.

– Странно, – проговорил Уренсон, и хотел было проверить еще один наушник.

– Господи, да оставьте вы все это в покое, – снова взмолилась девушка, – другие разберутся.

– Я не могу. Я должен знать, что произошло, черт возьми. Как я объясню смерть пяти помощников?

– Все равно, не надо трогать.

На этот раз Уренсон послушал ее и отошел в сторону.

Казалось, это его действие посопутствовало какому-то необыкновенному явлению.

Внезапно везде все стало щелкать и потрескивать, а спустя секунды, взорвалось, показавшись небольшими светлыми облачками, и вмиг, словно растворилось.

– Что это? – удивились оба и почти одновременно спросили друг у друга.

– Не знаю, – ответили сами себе и продолжали стоять в углу небольшого помещения.

Тем временем снаружи четко слышался ровный шум приближающегося самолета, и это привело людей в более-менее нормальное состояние.

– Быстро приведите себя в порядок, – распорядился Уренсон, и, подойдя к небольшому окну, посмотрел в небо.

Где-то вдали сверкнула точка близившегося к аэродрому самолета.

– Он садится, давайте быстрее, – распорядился конструктор, в свою очередь принявшись отряхивать одежду и причесывать свои волосы.

– А как же все это? – спросила девушка и указала на трупы людей.

– Предоставьте это мне. Единственное, что я от вас прошу – это сохраняйте молчание. Думаю, того же потребуют и органы. Лучше вообще забыть о случившемся. Вам ясно?

– Да, – ответила журналистка, ежась от страха и, переступив через одно из мертвых тел, быстро выскользнула на улицу.

Снова раздались реплики и негромкий свист. Девушка, собравшись с силами, быстро улыбнулась и немного покачиваясь, прошла вглубь собравшихся.

Все поняли это по-своему, но никто на этот раз не пошутил. Уже близким был шум приближающегося самолета, и все устремили свои взгляды туда.

Самолет мирно заходил на посадку, и спустя минуту, очень удачно приземлился.

Все радостно захлопали и устремились к аппарату. Пилот почему-то не торопился выходить.

– Ну, где же он, – в нетерпении говорили собравшиеся, желая задать ему кучу, как им казалось, важных вопросов.

Вперед протолкался конструктор и, мигом взобравшись на крыло, попытался открыть колпак.

Но, снаружи это было сделать невозможно, потому он слегка постучал по колпаку, желая привлечь внимание самого летчика, который сидел прямо, ни на что не обращая внимания.

Спустя какие-то секунды он вдруг дернулся и, словно проснувшись, начал щелкать поочередно всеми выключателями.

Не прошло и секунды, как колпак открылся и оттуда резко взметнулось вверх какое-то голубовато-белое облако, опалив жаром лицо Уренсону и чуть было не уронив того на землю.

Вряд ли кто из журналистов это заметил, так как сам конструктор загоразживал им видимость. В свою очередь, тело летчика дернулось и вновь застыло, как и до этого.

Конструктор потряс его за плечо, и в тот же миг получил туповатый удар в руку, болью отдавшийся в его сердце.

Уренсон резко схватился за сердце, и чуть было не потерял сознание. Но усилием воли удержался на месте и тихо спросил:

– Ретфорд, вы в порядке?

Летчик молчал, тупо уставившись на приборную доску своими открытыми глазами.

– Что случилось? В чем дело? – допытывались журналисты, пытаясь ближе пробраться к конструктору и даже взобраться на самолет.

– Уходите, – распорядился Уренсон, – интервью не будет. Он потерял сознание. Давайте лучше сюда скорую побыстрее. У кого есть телефон под рукой.

Кто-то тут же стал набирать номер и вызывать помощь.

Уренсон взглянул на девушку.

Та была бледной, но все же держалась.

– Думаю, вам тут делать больше нечего, – замахал руками конструктор, – полет прошел успешно, испытания завершились. Что же касается летчика, то это просто нервная перегрузка. Поэтому расходитесь и не мешайте заниматься человеком.

Где-то вдали послышался вой сирены и, вскоре на взлетную полосу подъехала машина скорой помощи.

Доктор быстро взобрался на крыло и достиг кабины. Пощупав пульс, он в недоумении посмотрел на конструктора и тихо сказал.

– Он мертв. Как же он посадил самолет?

– Это случилось, очевидно, сейчас, – сказал с небольшим ударением на слове сейчас Уренсон и пристально посмотрел на доктора.

– Да, да, – поспешил заверить тот, понимая, что сейчас разглашение тайны вовсе не нужно, – скорее сюда, – отдал распоряжение двум санитарам и отошел немного в сторону.

Вскоре тело пилота вытащили из кабины самолета и погрузили в машину.

– Доктор, одну минуту, – подозвал явно оторопевшего по сему случаю врача Уренсон.

– Да, я вас слушаю.

– Пришлите сюда еще машину. Только сделайте так, чтобы это было меньше заметно.

Пусть она подойдет к передвижному пункту, – и он указал рукой в том направлении.

– Что-то еще случилось? – в тревоге спросил врач.

– Да, – кратко ответил Уренсон и, молча, отправился к своему рабочему месту.

– Хорошо, – только и ответил доктор, садясь в машину и увозя пилота.

Журналисты, в нерешительности потоптавшись на месте, вскоре разошлись, и на взлетной полосе наступило временное затишье.

Но вот, совсем скоро вновь завывла сирена, а за нею сразу еще несколько.

Все поле вмиг было оцеплено, а к месту происшествия стали стекаться люди разных профессий и должностей.

А на следующее утро конструктор уже сидел перед одним незнакомым человеком и отвечал на вопросы.

– Как вы думаете, Уренсон, что могло произойти со всеми вами? – спрашивал его человек.

– Не знаю. Могу лишь рассказать, как все произошло. Остальное за пределом догадок. Кстати, что-нибудь обнаружили за время обследования?

– К сожалению, ничего. Так, лишь незначительные отклонения в содержании веществ в крови, небольшую перенапряженность, а в целом, поражение электротоком. В вашем же случае – вообще чисто. Лишь небольшое отклонение в количестве лейкоцитов. Но вряд ли это можно отнести именно к этому?

– А у девушки?

– У нее тоже слабо. К тому же, она была беременна около двух недель. Так что сами понимаете.

– Вот, черт, – выругался Уренсон, – но, нельзя же в самом деле полагать, что всех поразило током. Да и как он вообще мог попасть туда?

– В этом-то и весь секрет, – согласился незнакомец.

– А, что с пилотом?

– То же, что и с другими. Он умер от сильного электроразряда. По крайней мере, так утверждают врачи. Может, он попал в грозовое облако?

– Да, не было ничего подобного. Кстати, это можно проверить на пленке.

– Да, слушал ту запись. Но она, к сожалению, подверглась какой-то обработке. Слабо прослушивается на ней даже голос самого пилота. Очевидно, сила разряда смогла как-то повредить и запись.

– А заключение экспертизы?

– В целом, замыкание электросети, в результате которой и погибли люди.

– Да, но.., – хотел, было, высказать свою точку зрения Уренсон.

– Никаких но. Это для прессы и для вашего благополучия. А теперь, расскажите все, что вы знаете, а позже я поговорю с девушкой. Итак, я вас слушаю.

Тяжело вздохнув, конструктор начал рассказывать всю историю с самого начала.

Иногда человек прерывал его и заставлял повторять снова одно и то же, а в другой раз, просто перебежал с одного на другое, очевидно желая убедиться в том, что Уренсон в здравом уме и рассказывает правду.

Наконец, мучения закончились, и человек отпустил его отдохнуть.

– Позже продолжим, – пообещал он, тем самым давая понять, что на этом его карьера, как конструктора завершена и, судя по всему, он навечно будет прикован к этому весьма удручающему месту.

Уренсон вышел из комнаты, и его тут же подхватили под руки два санитаря, потащив куда – то по коридору и на ходу вводя какую-то дозу лекарства.

Так печально завершилась карьера одного великого конструктора и молодой журналистки, которых определили в разряд сумасшедших и упрятали за решеткой белого здания.

Никто так и не поверил в рассказанное ими, а для убеждения провели эксперимент, пустив обычный электрический ток по сети наушников...

...Пока шел осмотр помещения и тех, кто лежал на полу, Уренсон стоял в стороне и все время размышлял о том, что могло случиться и как вообще это произошло.

Из задумчивости его вывел один из полицейских, спросив.

– Был ли здесь кто еще во время этого странного события?

– Да, была журналистка, но я ей велел молчать. Она также немного пострадала и, кажется, до сих пор пребывает в шоке.

– Хорошо, – сказал полицейский, думаю, вам следует пройти обследование. Возможно, удастся что-нибудь обнаружить.

– Что? – удивился конструктор.

– Не знаю, – пожал плечами тот, – это покажет экспертиза. Такого я еще не видел. Может, проделки завистников?

– Вряд ли, – не согласился Уренсон, – было бы проще разнести вдребезги самолет или что-то еще в этом роде. А так, я даже удивляюсь, отчего это могло произойти. И самое странное. Как приземлился самолет? По поводу пилота известно что-нибудь?

– Да, – ответил полицейский, – нет сомнений, что смерть наступила во время полета. Но вот, когда точно, это тяжело сказать. Возможно, летчик, посадив самолет, просто задохнулся.

– Как это? У него ведь кислородная маска и, судя по всему, он не лишился кислорода. И запас сохранился.

– Да, это так. Но экспертиза определила именно удушье и мгновенную остановку сердца.

– Так быстро?

– Да, это не трудно определить.

– Но, что могло произойти? Весь полет записан на пленку. Можно прослушать. Ничего постороннего.

– Над этим работают, – скромно сказал полицейский, – думаю, вам следует просто поехать в клинику и пройти медосмотр.

– Думаете, это что-то даст?

– Не знаю, – неуверенно ответил офицер, – но возможно, это к чему-нибудь приведет.

Уренсон, пожав плечами, молча, зашагал в направлении машины скорой помощи.

Вскоре его доставили в клинику и подвергли тщательному досмотру.

Туда же доставили и испуганную до смерти молодую журналистку.

– Что они ищут? – спросила жалобно она, подвергшись тому же, что и Уренсон.

– Не знаю, – ответил конструктор и на минуту закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями.

Через некоторое время их поместили в одну палату и оставили наедине.

– Это еще зачем? – удивились оба, не понимая, что затеяли доктора.

Но совсем скоро тайное открылось.

Их подвергли новому обследованию и спустя немного времени, развели по разным местам.

Результат оказался тем же. Правда, были использованы просто приборы.

На этом все и завершилось.

Что же касается вопроса, почему так случилось, то он вскоре был забыт, или просто стерт одним единственным определением – сумасбродство обоих на базе своих личных побуждений.

Смерть пилота была определена в разряд случайностей.

Так вот и началась эта, необыкновенно дикая история, которая имела свое продолжение и благодаря которой, те двое все же избежали вечной каторги в полузатемненном здании одной из юго-восточных клиник одного известного города.

Но впрочем, все по порядку и вначале возвратимся к тому самому дню, рассказывая о случившемся несколько с другой стороны.

Можно сказать, со стороны очевидца той трагедии, которому удалось пересечь пространство несколько раз и, к удивлению многих, возвратить свое тело, тем самым воспроизведя небольшой переполох среди ученых и некий суеверный страх среди людей, оказавшихся по воле злой судьбы свидетелями того нового рождения или восстановления живучести уже захороненного тела.

Глава 2. Адаптация

Весь полет проходил уединенно, и Ретфорд невольно радовался этому событию. Светило солнце, катились куда-то светло-молочные облака, и, обгоняя их, летчик улыбался, чувствуя себя действительно на высоте в превосходстве над силой самой природы.

Отработав указанное с Земли и получив команду на посадку, Ретфорд сделал крутой разворот и повел самолет в направлении аэродрома.

Лишь на секунду отвлекшись от приборной доски, пилот не заметил, как стрелка набора высоты резко пошла вверх, а его самого словно чем-то сжало со всех сторон.

– Что это? – только и успел подумать Ретфорд и в ту же минуту оказался уже не внутри, а как бы снаружи самого себя.

Спустя очень короткое время на приборной доске уверенно защелкали тумблера, а самолет, снизив высоту, резко пошел на посадку.

Все это время пилот находился как бы сзади самого себя, чувствуя необъяснимую тревогу и какое-то сверх идущее давление.

На секунду ему показалось, что самолет вот-вот рухнет на землю, но по мере приближения он выровнялся и с легкостью приземлился на посадочной полосе.

Ретфорд видел, как бежали к самолету журналисты, как пытался открыть колпак его конструктор и даже слышал слова, которые тот говорил.

Но поделаться ничего не мог. Тело его словно застыло, а сам он находился вне его, со стороны наблюдая за действиями.

Вдруг, что-то схватило его и с силой потянуло вверх. Вмиг все исчезло, а Земля оказалась где-то внизу.

Спустя какие-то секунды, он уже слился с одним из облаков и в его составе под дыханьем большого ветра двинулся дальше.

На какое-то время осознание исчезло, и появилось уже где-то совершенно в другом месте, совсем непонятном и неприглядном.

Какая-то серо-голубая комната, окруженная сизой мглой и густым молочным туманом, из-под которого были видны чьи-то ноги, обутые в широконосые ботинки на высокой подошве.

Вскоре к ним присоединились еще одни, чем-то схожие, и показалась часть самих ног, одетых в какую-то странную одежду, напоминающую его комбинезон.

– Где я? – хотел крикнуть Ретфорд, но из этого ничего не получилось.

Он был бестельным. Он был, но в то же время, его не было. Ретфорд осознавал, что это он, но, вертя головой вокруг себя, себя же и не видел.

Только чувство, да еще какое-то непонятное голубоватое светоокружение давали понять, что что-то от него все-таки есть.

Ретфорд начал вспоминать, что с ним случилось.

Попробовал снова крикнуть, но из этого снова ничего не вышло.

Спустя некоторое время ноги исчезли, а вокруг начал расслаиваться туман.

– Мы приветствуем вас на борту звездолета Центрополус, – раздался монотонный голос.

"Кому это?" – удивился Ретфорд и по-своему огляделся по сторонам.

– Мы приносим свои извинения за вторжение в вашу жизнь, – прозвучал далее чей-то голос, – но гарантируем, что вы не пожалеете об этом.

"Черта с два", – вновь подумал пилот и снова оглянулся.

Внимательно всмотревшись, он различил какую-то разность в окружающем пространстве и попытался составить конфигурации людей.

Из этого мало что получилось, но все же Ретфорд понял, что здесь не один. Были отчетливо видны какие-то колебания среды и даже очертания чего-то непонятного по форме.

– Сейчас вы находитесь в инкубационном растворе, – гласил далее тот же голос, – через время вы получите новые тела. Примерно по составу ваших земных. Вы должны подчиняться нам и исполнять команды. До прибытия на звезду Кальтарею остается несколько часов. Сейчас произойдет откатка, и вы найдете свои тела. Просим не волноваться и сохранять вежливость. У нас вы найдете для себя неплохую жизнь, если будете во всем подчинены власти. Через время вы сможете стать гражданами звезды Кальтарея, если заслужите. Это право каждого захваченного нами живого существа. В случае неповиновения вас ожидает переработка, а в дальнейшем, эксплуатация в качестве роботосредства. Выбора два. Вы, либо подчиняетесь и становитесь гражданином, либо подвергаетесь переработке. Это все. Все остальные сведения получите по прибытии на звезду Кальтарею. А сейчас, прошу в отделение гертоманизации. Не пугайтесь. Вытяжка произойдет быстро.

Через какие-то минуты среда изменилась, и Ретфорд почувствовал, как его куда-то уносит. Ему показалось, что он на время закрыл глаза, а когда открыл их, то уже смотрел на мир вполне как обычный человек.

Он стоял в какой-то комнате и с удивлением рассматривал свое новое тело, которое было сделано неизвестно из чего и чем-то напоминало каучук или плотно сбитую резину.

Тело было бесполом. Ретфорд изумился еще сильнее, и даже задал вопрос. Голос его прозвучал как гром среди небес.

– Не кричите, – проговорил тот же монотонный голос, – говорите тише. Сейчас происходит переадаптация вашего блока памяти.

– Вопрос можно? – спросил пилот уже потише.

– Спрашивайте.

– А где признаки моей мужской принадлежности?

– Вам это не нужно. И вообще, на звезде нет полых людей. Размножение происходит лабораторно.

– Чувствую какая-то, – еле слышно проговорил пилот, но собеседник услышал и ответил.

– Это не чувствую. Это достижение ума. Когда поживете, то поймете. А сейчас одевайтесь, одежда рядом. На планете немного прохладно. Это меньше вредит вашим телам.

– Кто вы? – спросил, уже одеваясь Ретфорд.

– Мы альтандры и кальтеандры. Состоим на планете более семи тысяч лет. Порядок цивилизации выше. Верх научных достижений. Вы будете называться землянами, пока не пройдете классификацию. Если комиссия вас допустит к работе умственного порядка, то станете гражданином.

Пилот в это время обернулся и посмотрел в другую сторону. Там стояли такие же существа и одевали одежду.

– Это ваши друзья, земляне. Они захвачены попутно и будут подчинены тому же.

– И много таких вот вы ловите?

– Мы никого не ловим. Мы захватываем. И в дальнейшем используем по своему назначению. Таков наш мир. Он состоит из многих разнопланетных существ. Но здесь все находится в одних телах. Используется их ум и деловые качества. На основе этого и обретается гражданство. Такое разнообразие помогает нам достигать успехов в науке и совершенствовать технологии. Альтандры и кальтеандры живут вечно. Нас немного. Всего сто шестьдесят тысяч. Время от времени мы пополняем свой состав и расширяем наше государство. Жизнь не лишена разнообразия и смысла существования как генетических основ. Мы используем самые передовые технологии и при необходимости можем создавать условия для анонимного сближения. Практически это отпуск, который может проходить где угодно, в любом уголке звезды. Основа существования – это повседневный труд. Он способствует дальнейшему развитию и ускоряет процесс заселения своих территорий.

– А почему вы не используете свою базу? – удивился Ретфорд такому рассказу.

– Наша база утеряна во времени циклического разрушения системы сохранения основы планеты. Выжили лишь единицы, но благодаря обретенным ранее технологиям, мы смогли добиться ведения захвата и на базе других создавать свою цивилизацию.

– А вам не обидно, что это другие, а не вы сами?

– Нет. В любом существе ценится ум. Тело может быть совершенно разным. Ум составляет основу вечного практического существования. Часть своего ума в себе самих мы смогли сохранить. Из наших старожил насчитывается сто двадцать пять единиц. Это остаток цивилизации и ее ум, который в итоге спас нас самих. Остальные – это существа с других планет. Жизнь здесь среди нас для многих гораздо лучше, чем на их планетах.

– Какое-то собранное государство, – подытожил Ретфорд.

– Да, можно сказать и так. А сейчас, проходите в комнату профилирующей нагрузки. Там сейчас составят ваши динамические характеристики. С ними пройдете дальше. И уже в конце, комиссия определит вашу категоричность.

Где-то в стороне открылась дверь, и люди заторопились.

Пошел и Ретфорд. На ходу он обдумал свое положение и попытался понять – реальность это или просто сон.

Тело его было чем-то сходным с уже покинутым, но все равно казалось не своим. Как будто чего-то не хватало.

Но, делать нечего, приходилось подчиняться. Тем более, неизвестно было вообще, где они находятся и что собою представляет сама планета.

Спустя какое-то время, люди прошли вышеозначенную комиссию и их разделили по разным категориям.

Ретфорда определили в группу А.

Это был вариант использования ума по назначению. Его сопроводили в другой отсек корабля и, усадив в кресло, оставили в покое.

– Вы будете заниматься тем же, что и на Земле, – неожиданно прозвучал голос.

– А что, у вас имеются самолеты?

– У нас они зовутся по-другому. Это ракетопланы. Они чем-то схожи с вашими самолетами. Вы будете доставлять на них груз в разные места. Это внутренняя работа на планете. Возможно, когда вы обретете гражданство, вас переведут на межпланетные перевозки. Этот вопрос будет решать общеквалификационная комиссия.

– Там интересней? – спросил Ретфорд, у которого, вдруг, загорелась внутри самая маленькая надежда.

– Не знаю, – ответил тот же голос, – это в компетенции чувств. Для нас самих нет разницы. Играет роль только квалификация и способность трудиться.

– Что ж, я согласен, – ответил пилот и даже слегка улыбнулся.

– Согласие еще не все, – предупредил голос, – вам нужно будет пройти переквалификацию и доподготовку. После того, пройдете еще одно исследование на способность управления. Если оно даст положительный результат, то тогда дорога открыта. А сейчас я вас оставляю. Посадка будет с минуты на минуту.

Через время звездолет опустился на планету и людей, пропустив дополнительно через какое-то помещение, повели к одному из зданий.

Было не понятно: то ли светит солнце, то ли это просто искусственное освещение. Воздух был прохладным, но не холодным. В общем, чувствовал себя Ретфорд вполне нормально.

Небо, как таковое, отсутствовало. Вместо него вверху стояла какая-то густоватая пелена.

– Это заграждение, – пояснил землянам сопровождающий, выглядевший так же, как и они, только в немного другой одежде.

– А зачем оно? – спросил пилот.

– Чтобы наше солнце не перенасыщало звезду теплом, – пояснил тот, – это дает возможность существовать дольше планете, нежели обычно, и конечно, располагаться нам на ней, не подыскивая себе другого места.

Они подошли к зданию, а чуть позже опустились по эскалатору куда-то вниз. Вскоре сопровождающий привел их к коридору, по обе стороны которого располагались двери.

– Выбирайте, кто, где будет жить, – распорядился сопровождавший, – все комнаты одинаковы и во всех комфортно. Жить будете по одному. Так у нас принято. Я первое время буду сопровождать вас повсюду, и рассказывать обо всем. Основную информацию о жизни планеты вы получите по видеоканалу. В комнатах находятся графики выполнения необходимых работ, режим дня и многое другое для повседневной жизни. Там же вы найдете всю информацию о свободном время-провождении, и там же перечислены виды услуг, которые вам окажут материнские роботы. Они подчинены вам полностью. Это те, кто не согласился стать гражданином и был подвергнут переработке. Их ум – всего лишь слабое звено необходимых услуг. Так что, практически – это механический робот, хотя внешне такой же, как и мы все. Ну, вот пока и все. Располагайтесь, а я пойду, выясню, когда приступить вам к переобучению.

Сопровождающий удалился, а люди разошлись по комнатам и приступили к изучению своего быта и вообще планеты.

Ретфорд занял первую комнату справа по коридору и, войдя внутрь, сразу ознакомился с условиями.

Помещение было небольшим. Где-то примерно метров пять в длину и, наверное, столько же в ширину. Окна были полукруглыми, висели обычные шторы и занавески, стояла различная и пока непонятная аппаратура, кровать, диван, кресло и многое другое из самых обычных земных вещей. Рядом находилась комната-душ, а в стороне – небольшое помещение для употребления пищи.

Осмотрев все досконально, Ретфорд принялся изучать распорядок дня и весь режим проживания.

Спустя время, он включил одно из устройств и, сев в кресло, начал изучать жизнь самой планеты.

Прямо на стене протекали кадры, рассказывающие о самой звезде, где они находились. Вначале была сама история ее существования, а затем изображение перешло в русло уже настоящего дня.

Многое было схожим с земным, но все-таки чем-то отличалось. Судя по кадрам, звезда или точнее, ее поверхность, была в большей степени равнинной.

Лишь изредка мелькали небольшие горы, высотой не более пяти-шестиэтажного дома. Городов было немного. Всего восемь. Все они располагались в разных точках планеты и на

порядочном расстоянии. Звезда была значительно меньшей, чем Земля. Но для того населения ее вполне хватало и можно было обжить гораздо больше территорий.

Наряду с разноидающей растительностью животных и птиц было немного. Голос диктора рассказывал вполне на земном языке, что основные виды погибли, и удалось восстановить лишь немногие.

На планете не было детей, и присутствовало только взрослое население. Очевидно, это объяснялось тем, что здесь все были одинаковыми, и их герметические тела друг с другом не соприкасались.

– А, может это и лучше, – подумал Ретфорд, углубляясь уже в свои собственные рассуждения, – хотя, конечно, как-то не по себе от такого житья.

В обычной жизни граждане занимались работой, которая составляла практически половину их суточного обращения, а в выходные дни проводили время где угодно. В общем, жизнь чем-то напоминала земную, но отражала все же присутствие ума, а не всяческого безумия.

Практически, нигде не было полицейских или других видов служб. Общество жило как бы само по себе, а роботы обеспечивали им обычную жизнь, не заставляя особо трудиться в плане какой-то хозяйственности и заботы о доме.

Все было, как на подносе. Хочешь отдых – пожалуйста, хочешь потрудиться – дело твое, но конечно, это только в выходные. Рабочие дни были заняты работой.

На сон отводилось примерно шесть часов. Остальное время, состоящее из семи часов, мог провести, где угодно.

Сутки длились двадцать шесть часов. Тринадцать работали, остальное шло на отдых и сон.

Так вот и жили те граждане. Время отпусков – время особое. По желанию граждан оно могло превращаться в какой-нибудь из видов парно-семейного существования. К этому периоду гражданин получал пол и мог, естественно, состоять с кем-либо в каком-то примерном браке. Но не больше того. Естественно – другому присваивался другой признак. Заботы эти брал на себя компьютер. Он сводил, разводил и т.д. Генетические изменения происходили буквально за несколько часов. Для этого, судя по программе, нужно было посетить всего лишь одно заведение. Территория отпусков выделялась отдельно.

То есть, граждане уезжали из своих домов и проводили время в других условиях, которые способствовали самому отдыху, и делали отпуск, действительно, таким.

В общем, жизнь на звезде была, если не обычной, то очень похожей на жизни других планет. Сравнивая земное и это, Ретфорд даже на время растерялся. Где лучше?

Этот вопрос, казалось, застал его врасплох.

– Посмотрим, что будет дальше, – сам себе тихо сказал пилот и, включив устройство, продолжил ознакомление со звездой и ее населением.

Глава 3. Работа

Через две рабочих фазы, как было принято называть недели, Ретфорд уже состоял на работе и выполнял практические полеты.

Квалификацию он прошел и попал в категорийный список, который давал право на обретение гражданства и равнял его с другими представителями единого государства.

Сама по себе работа заключалась в перевозке грузов и пассажиров в отдельные места планеты. В основном, то были вещи отпускников. Но были и другие перевозки.

Это районы добычи минералов и места, так называемого, захоронения отошедших продуктов жизнедеятельности. Своёобразно, это можно было бы назвать сбором мусора и его вывозом.

Конечно, Ретфорд сам того не делал. Он только исполнял свою летную работу. Но в целом, это выглядело именно так.

За время полетов Ретфорд лучше ознакомился с планетой, уложил в голове всю ее карту территорий и довольно свободно ориентировался в пространстве.

Местность практически везде была схожей, за очень редким исключением.

Освещение то же и тот же опоясывающий туман, не дающий проскользнуть лучу внутрь. День сменялся ночью, которую вряд ли так можно было назвать.

Луны не было, но зато светили какие-то искусственные источники. Очевидно, избыток светотепла шел именно на эти цели. Ветра на планете не существовало. Всегда было спокойно и тихо. Вообще, во всем наблюдалась тишина.

По крайней мере, ее везде старались все соблюдать. Производства, которые существовали, были хорошо герметизированы, и шум, как на Земле, от них не шел. Сами же жители использовали небольшие палочки, чтобы меньше "загрязнять" свой слух и стараться находиться в тишине своего собственного организма. Практически, каждый вел уединенный образ жизни и мало общался с кем-то еще.

Хотя существовали соответствующие заведения, где играла спокойная музыка, и где можно было просто посидеть, или поглазеть на остальных.

Разговорчивых было мало. По большей части старались избегать всяческих встреч.

Возможно, это было просто желание побыть наедине, а может, в этом и крылся какой-то определенный смысл их поодионого существования.

Совсем скоро Ретфорд привык к такому образу жизни, научился понимать почти беззвучные слова или команды, и даже научился вести свой образ жизни.

Те, с кем ему доводилось рядом работать и жить, мало общались и по-своему проводили время. Так, в скуке и одиночестве Ретфорд провел еще несколько недель.

Он все никак не мог решить, где же все-таки лучше: там, на Земле, или здесь, на этой тихой планете.

Но все же, как и всякий землянин, склонялся больше к тому, что на своей планете жизнь немного ближе.

Хоть и хорошо было здесь во многом, но все же чего-то недоставало. И постепенно у него начало вырабатываться свое жизненное решение.

Он решил, во что бы то ни стало, возвратиться на Землю.

Но пока Ретфорд не знал, как это сделать и даже понятия не имел, в какой части космоса он находится и как далеко от Земли.

К сожалению, информация этого рода отсутствовала. Наверное, со стороны самих граждан планеты это была вынужденная мера предосторожности.

Случаев побега вроде бы не существовало.

Да и как такое могло быть, если к работе за пределами допускались только самые выносливые и преданные своей планете.

Многие годами шли к заветной цели и занимали места порядком выше. Очевидно, растущий ум не давал им права, даже достигая верха, покинуть планету и оставлять всех остальных в брошенном состоянии.

В общем, здесь существовала своеобразная совесть, своя честность и верность порученному делу. Конечно, играло большую роль и то, что за время длительного пребывания на звезде многие изменяли свои первоначальные взгляды и становились истинными гражданами планеты, отбрасывая в сторону всю ненужность прошлого существования.

Какая-то слабость по этому поводу наблюдалась и у Ретфорда. Чем больше он пребывал здесь, тем больше ему казалось бесполезным вообще возвращаться на Землю.

По сути, там его никто не ждал. И он, как человек, никому не был нужен. Работа его была так себе, хотя и интересна чем-то, а свободное время заполнялось просто безделием.

Здесь же жизнь обретала несколько иной смысл. Даже одиночество вскоре становилось какой-то необъяснимой нужной деталью, без которой просто не обойтись.

Через некоторое время Ретфорд, выдержав еще одно испытание ума, был переведен на работу иного рода.

Его определили в разряд помощников по межпланетным перевозкам. Он был как бы вторым пилотом при командире корабля.

Это был небольшой звездолет, вряд ли способный долететь до Земли, но зато способный перемещать грузы огромной тяжести на порядочные расстояния.

Командир корабля был такой же, как и все – неразговорчивый. Да, собственно, и Ретфорд стал таким за время своего пребывания на планете.

Потому, их общение состояло из команд-словосочетаний и небольшого количества слов разговорного характера.

Их полеты были не очень далекими. Они летали на одну из близлежащих планет и перевозили необходимые грузы.

По большей части, это было сырье, а иногда просто какое-то оборудование, вспомогательные средства и даже роботы-машины огромных размеров.

Спустя три недели их обоих перевели на другой маршрут сообщения. Занимались, практически, тем же. К тому времени Ретфорду предложили принять гражданство, и ему пришлось согласиться.

В одном из полетов он спросил своего командира.

– Эр два эс, могу обратиться с вопросом?

– Да, обращайтесь, – ответил тот, повернув голову в его сторону.

– Сколько вы уже налетали рабочих в таком режиме?

– Много, – скромно признался командир, – честно говоря, я уже порядком устал от этого.

Конечно же, хотелось бы чего-то другого. Но пока, к сожалению, нет вакантных мест. Ожидаются только к концу сезона акваполетов.

– А что, может быть другое в нашей работе?

– О-о, есть удивительные планеты, на которых растут интересные существа. Вот их я и хотел бы повидать.

– А, что это за планеты?

– Это планеты-рассадники тел. Оттуда идет живое сырье, по принципу которого слагаются наши тела.

– Как это? – удивился Ретфорд.

– Да, просто. Выращиваются единицы тел, а через время переуплотняются и подвергаются небольшой переработке. Затем внутрь внедряемся мы или кто-то еще другой.

– Но ведь это чьи – то души? Я так понимаю?

– Нет, душ там не наблюдается. Это просто вид животного сопутствия. Именно их телами, а точнее синтезом тел, мы и пользуемся.

– Это что, в каждое тело можно поместить единицу души?

– Да, можно сказать и так. Но, не во всякое тело, а скажем, в тело сопутствия. В общем, это довольно сложно, хотя на первый взгляд кажется простым.

– А какие еще есть планеты?

– О-о, множество. Ученые разрабатывают давно увядшие звезды и запускают их в работу. Везде эксплуатируют рабочую силу, а потом необходимое доставляют на звезду Кальтарею. Вот на них я бы и хотел побывать.

– А это далеко?

– Не совсем. Можно долететь и на этом. Но лучше все же на другом. Он надежней в плане длительного пересечения пространства.

– А те, кто занимаются захватом. Кто они?

– Да, такие же, как и мы. Вот вы кто?

– Землянин.

– А я керлуанец, – сказал командир, – есть такая планета. Точнее созвездие. У нас примерно то же, что и у вас сейчас. Так вот и другие. Все из разных мест. Есть, конечно, и местные, но они, как правило, занимаются наукой и продвигают жизнь вперед.

– И нравится вам такая жизнь? – прямо спросил Ретфорд.

– Не знаю, – неуверенно ответил командир, – но хотелось бы побольше узнать, своего всегда успеешь насмотреться. К тому же, жизнь здесь вполне подходящая. Я люблю тишину, спокойствие и свою работу, которой занимаюсь.

Бывает, конечно, надоедает, но так везде. Это вполне обычно.

– Да, так везде, – со вздохом согласился Ретфорд, – вот бы мне побывать где-нибудь.

– О-о-о, до этого еще далеко.

– Почему?

– Нужно еще полетать, – улыбнулся командир и занялся своим делом.

"Та-ак, – подумал про себя Ретфорд, – мне кажется, это надолго. На сколько же лет я здесь застрял? Есть ли другой выход?"

В это время командир произнес:

– Есть еще одно решение по поводу работы, – сказал он, – это пройти дополнительные курсы доподготовки и переквалифицироваться в помощники к захватчикам. Там тоже интересно. Много планет, много разных жизней. Некоторым это поднадоедает, и они просят на другое, примерно, как я. Потому, там места бывают почаще.

– А почему надоедает, и почему вы сами не хотите?

– Ну, во первых, я уже был там, а во-вторых, другая работа более интересна. А там все однообразно. Но по первому времени интересно. Не советовал бы только туда ходить, откуда сами. Как-то неприятно. Но это мои мысли. Вы же думаете по-своему.

– Что ж, спасибо за совет, – ответил Ретфорд, которого так и подмывало спросить у командира, почему тот не воспользовался моментом и не ускользнул.

"Наверное, у него были причины", – подумал землянин и перевел беседу на другое.

Вскоре после этого разговора Ретфорду подвернулся случай поговорить со своим начальством. И ему не отказали.

А спустя совсем немного, он попал на новые курсы. Надо отметить, что все ставшие гражданами, имели свободу выбора профессии и рода занятий, если, конечно, то позволял настоящий ум.

Потому, с переводом и переквалификацией проблем не было.

– Какую должность хотели бы вы занимать? – спросили у него на курсах.

– Не знаю, – растерялся Ретфорд, – хотел бы ту, где наиболее интересно и даже, можно сказать, опасно.

– Ну, скажем, опасность вам не грозит, а интерес называется просто загруженностью. Согласны с таким выводом?

– Да, вполне. Именно этого я и хотел.

– Ну что ж. Тогда за работу.

И Ретфорд усиленно приступил к занятиям. Ему все было интересно, вплоть до самых мелочей. И, конечно же, изучал он все это не только ради самой работы и знаний. Целью стояло возвращение на Землю.

Что ж, перспективы открывались, но как оно будет реально, пока стояло в позиции неизвестности.

Спустя совсем непродолжительное время, Ретфорд с успехом закончил эти переводные курсы, и был направлен на одну из баз по дополнительной подготовке уже непосредственно, как говорят, в деле.

Через несколько недель он стал полноправным членом экипажа захвата и был назначен на должность бортового электромеханика, в прямые обязанности которого входило непосредственное осуществление захвата и работа с, так называемыми, жертвами забора.

Спустя пять дней пребывания на звезде, их корабль сдвинулся, наконец, с места и ушел в зону захвата.

Это был первый полет Ретфорда за пределы системы и его поистине боевое крещение в качестве новой занимаемой жизненной позиции.

Глава 4. Ловля

Спустя лишь два их рабочих дня, звездолет достиг нужного места и как бы застыл в ожидании подходящего момента для ловли.

Именно так можно назвать тот процесс отслеживания, ибо он откровенно включал в себя самую прямую и практически террористическую акцию со стороны данного вида цивилизации.

Ретфорд находился за своим рабочим пультом и вел практическое наблюдение.

Планета, близ которой они находились, не относилась к порядку планет широкой разработки. Пока там существовал еще колонизаторский строй, и существа особо не претендовали на космос.

С точки зрения самих захватчиков особых проблем не было в том деле. Но, на всякий случай, командир борта приказал выждать определенное время и уже затем произвести захват.

Ретфорд с интересом наблюдал за происходящим на той диковинной для него планете. Чем-то она была схожа на Землю, а существа, ее населяющие, даже очень похожи на людей.

На минуту Ретфорду даже показалось, что это и есть Земля, но лишь внимательно рассмотрев особенности той жизни, он понял, что это другие и, по сути, еще более зловредные существа, нежели они сами.

Тем временем, шла подготовка к самой операции. Наружу были вытянуты особого рода антенны-локаторы, и от корабля отделились сразу несколько частей и ушли вглубь космического простора той системы планет.

Это были самонаводящиеся системы атмосферного сгорания. То есть, при входе в зону риска объекты как бы исчезали, а вместо них вступала в силу система навигационного телевидения.

Само исчезновение указанных объектов было особым. Разрываясь на маленькие диффрагменты сплавов и образуя собой большую часть окружающего пространства, чем-то схожего на обычное облако, системы включались в работу за счет существующего магнитопритяжения планеты и силы такого же порядка отталкивания.

То есть, здесь использовались разноименности зарядов и восходящие потоки светотепла.

В общем, по сути, искусственно созданное облако или облака, так как для осуществления программы их нужно было несколько, взаимодействовали с пространственными полями пропорциональностей планеты и, выполнив намеченное, саморазрушались, взамен предоставляя возможность любой экзотермической единице из состава захваченной среды благополучно попасть на корабль.

Промахов, как правило, не существовало. В любом случае захват был бы осуществлен.

Исключение могло лишь составить отсутствие всякого тяготения. Но таких планет единицы и, конечно же, о них захватчики знали.

Для них также создавались другие системы и пока были в стадии разработки.

Ретфорд наблюдал, как указанные части корабля ушли вглубь системы и быстро достигли цели. Все это время их продвижение контролировалось мониторами, то есть шло прямое телескопическое изображение.

Далее, эти объекты саморазрушились и образовали собой густую сеть туманно-молочных облаков.

Их вид Ретфорд запомнил на всю жизнь. Именно их он видел тогда, когда производил свой полет. Все же, как не велико было это научное достижение, но те облака чем-то отличались от порядков атмосферного давления планеты.

Была меньшей перистость облаков, немного увеличенная молочность, удвоенная сила их передвижения и многое другое, которое мог различить теперь только сам Ретфорд.

На экране было видно, как собравшаяся облачность продвигалась по фронту высвобождения дождевых масс планетного порядка. Вскоре она достигла одного из районов территории и спустилась в низину, образовав собой туманность.

Сквозь густоватую мглу были отчетливо видны сразу несколько попавших в сети облака существ.

Они беспомощно барахтались в этом тумане и не могли понять, что это с ними происходит. Совсем быстро почерневшие тела упали на поверхность, а туманная молочность, захватив с собой основную часть внутреннего состава сопротивления среды тел, мгновенно взмыла вверх.

Войдя в состав грозовой облачности и проучаствовав в разряде, светло – молочная облачность образовала собой небесный столб и в буквальном смысле испарила осушенные души за пределы атмосферного кольца.

Дальше – работа самой техники.

Бортовые системы корабля начали воспроизводить сильный сигнал, который, взаимодействуя с полями созвездия, мгновенно доставил на борт захваченную массу душ.

Работа была выполнена. Спустя некоторые секунды, звездолет уже удалялся от созвездия и обрабатывал полученную информацию.

Из расшифровки следовало, что часть захвата была в состоянии умственного неравновесия. Это несколько огорчило экипаж и пришлось освободиться от излишнего груза, выпустив его снова внутри той же системы планет. Осталось всего несколько единиц.

Им и предложили стать такими же гражданами и обучиться чему-нибудь другому. Но, на этом работа не заканчивалась.

Необходимо было "высечь" для них тела и практически внедрить души в их состояние. На этот процесс уходило всего несколько часов.

Из имеющегося генетического материала создавалась по образу души форма и вид телосостояния, а затем осуществлялось своеобразное сводничество, то есть внедрение души в тело.

Так вот, довольно просто и протекали операции по захвату. Всего на выполнение задания уходило дней пять – шесть, в зависимости от удаленности.

Спустя какое-то время Ретфорду самому это порядком наскучило.

Прав был его командир, говоривший, что дело быстро надоедает от своего однообразия. Только и радости, что можно посмотреть, как живут другие, и в целом познакомиться с маршрутами и располагаемостью миров.

И все же Ретфорд не оставил своей первоначальной идеи и решил возвратиться на Землю при самом удобном случае.

Но пока в ту сторону они не летали. Надо сказать, что на подготовку борта и всей системы захвата уходило куда больше времени, чем на саму операцию. Поэтому звездолет по большей части находился на своей планете, готовясь к работе и участвуя в каких-то профилактических мероприятиях.

Но все же первое знакомство с Землей со стороны космоса вскоре состоялось. После пяти произведенных захватов пришел черед и Земли.

В который раз Ретфорд благословил сам себя на удачу и вместе с другими отправился в поход.

Достигли они системы быстро.

Расположившись поудобней возле входа в систему созвездия, экипаж начал готовится к работе.

Хоть и славилась Земля каким-то научным достижением, но все же оно было пока не на том уровне, который мог бы способствовать сохранению своеобразной независимости.

Подготовка прошла успешно и, заполучив согласие от межкосмической трансквилизации на доимку роста со стороны Земли, экипаж приступил к работе.

Ретфорд впервые увидел, что созвездие как бы окружено целой системой космических кораблей.

Ему тут же все разъяснили.

– Дело в кризисе, – объяснил ему командир, – Земля не на самом лучшем счету среди миров. Потому, находится сейчас под наблюдением. Мало ли что может случиться. Космосу лишняя грязь не нужна. По той причине и введена в действие система оцепления.

– И как это надолго? – не без интереса спросил Ретфорд, наблюдая по своему монитору картину окольцевания Солнечной системы.

– Не знаю, – автоматически бросил командир, – но, скорее всего, оно будет до тех пор, пока на Земле не состоится внутренний переворот сознания. Только тогда можно будет выпустить всех за пределы системы.

– И как вы думаете, когда это случится? – тут же спросил Ретфорд.

– Да, это уже происходит, – объяснил командир и указал на появившуюся на экране замысловатую систему, судя по всему направленную внутрь Солнечного созвездия.

– Что это? Операция по захвату? – удивился Ретфорд и еще более внимательно всмотрелся в экран.

– Нет. Это операция по продукту внедрения. Так она обозначается. Это введение в среду планеты строгих космических единиц, которые регулируют подачу светоэмиссии и передислоцируют величины времени.

– А, кто ими управляет?

– Как кто? Те, кто отвечают за сохранность Земли, и кто ее непосредственно создал.

– А что, есть такие? – не без удивления, спросил пилот.

– Конечно, есть. Да, вон, можете посмотреть, – и командир указал рукой на одну из картинок экрана.

Там четко было видно какое-то живое существо, очевидно, совершающее переход из одной системной единицы в другую.

– Это они монтируют еще одну систему, – пояснил командир, – она будет осуществлять ряд мероприятий, которые неизменно приведут к нужному результату.

– А откуда вы знаете обо всем? – удивился Ретфорд.

– А мы все это знаем, – пояснил командир, – по долгу работы приходится иногда объясняться с другими. Кроме того существуют и определенные правила, согласно которым все мероприятия подобного рода должны согласовываться. Выводить цивилизацию в космос – это дело ответственное. И, конечно, этот вопрос касается всех одновременно.

– И что же? Они разрешают вам участвовать в таких вот операциях захвата?

– Да. А почему нет? Здесь нет ничего такого, что смогло бы им навредить или привести к затруднению. Это вполне обычное явление. Так мы, можно сказать, обмениваемся знаниями.

– Да, весьма интересно. А как же те, кто остается на Земле? Я имею в виду, люди. Их родственники и так далее. О них никто не заботится. Ведь забирая душу, вы отнимаете человека.

– Да, к сожалению, это так. Но мы ведь не виноваты, что люди еще не знают многого о себе и так сильно страдают из-за обычной смерти.

К тому же, мы иногда помогаем сами кому-то в их жизни, освобождая от ненужного и сохраняя приоритет ума.

– Не знаю, – ответил Ретфорд, – может вы и правы. Только почему-то я предпочел бы жить на Земле, а не в другой стороне, какой бы она не казалась хорошей.

– Что ж, – ответил командир, – это дело каждого. Только вот, что я вам скажу. Не хотел бы я сам оказаться в это время на самой Земле. Слишком велика агрессия дня и преобладает всякое отрицание ума. Это не только я так говорю. Сейчас вы сами убедитесь в том же после наших операций по захвату.

И спустя довольно короткое время, экипаж приступил к исполнению.

Ретфорд все это время сильно переживал. Кто же из его соотечественников попадет к ним на борт. В те же минуты его не покидала мысль о возвращении на планету. Но как это осуществить на сегодня – Ретфорд не знал.

Слишком мало он знал обо всем и слишком коротким был путь его становления.

Согласившись с самим собой, что надо к этому тщательно подготовиться, Ретфорд оставил эту затею и углубился в свой участок работы.

Через некоторое время борт корабля принял несколько единиц земного происхождения. К удовлетворению самого Ретфорда, они не были его знакомыми и вообще относились к другому земному роду.

И вновь, как и предыдущее, последовала обработка, а спустя немного, из обычных душ были сотворены тела.

Это были и те, и не те одновременно. Что-то менялось в их сознании после смерти и определяло сразу в степень иного рода мышления.

Так было с ним самим, и так же дело обстояло с другими.

Выполнив свое, звездолет удалился от земных широт и вскоре оказался на своей планете, оставляя где-то позади себя все указанные системы и каких-то существ, способствующих земному развитию.

Ретфорду было над чем поразмыслить, и он с облегчением встретил свою комнатную тишину.

– А может и вовсе не возвращаться, – тут же подумал он, удобно располагаясь в кресле и закрывая на минуту глаза, – все же здесь лучше. Но, долг зовет возвратиться обратно. Может, успею что-то сделать иное за свою жизнь и тем помогу всем землянам. Хотя это пока лишь предположение. Надо работать над другим. Надо узнать об этих странных переходах из жизни в смерть и обратно. И уже оттуда искать выход. Да, так и надо сделать.

На этом Ретфорд и уснул, предоставляя право заботиться о себе своему домашнему роботу, который уложил в постель, переделал, и даже попытался что-то спеть из цикла земного и так давно не звучавшего.

Но Ретфорд слабо отмахнулся от него рукой и уже более свободно перевел мысли в другое русло.

Сон давал право на кратковременное снятие напряжения и всякое отсутствие умственно определяемой работы.

Глава 5. Возвращение

Отдых не был долговечным, как то могло показаться читателю. Сон занимал совсем немного. Но его было вполне достаточно, чтобы человек стал более мобилен и чуточку бодрее своего обычного состояния.

С самого утра Ретфорд принялся изучать многое из того, что еще вчера казалось совершенно не нужным.

Для этого существовали специальные программы, которые можно было изъять из блока памяти устройства в любое удобное время.

Именно с этого и начался весь последующий день и буквально этому Ретфорд отдал предпочтение во время своего кратковременного отдыха.

Программы включали в себя подробное объяснение сути многих процессов и частично изобличали на экране многое из рассказанного.

Со всего узнанного Ретфорд понял, что не существует, так называемой, жизни после смерти.

Жизнь – она либо есть, либо ее нет воочию.

То есть, любое натуральное исполнение – это и есть жизнь. Переход же из натурального в не таковое осуществляется просто условно. Практически, живут мысли того или иного существа.

Они имеют свой вид, форму, энергетическую ценность и всякое другое. Структура этих мыслей как раз и располагает базой, так называемой, души, составляющей часть живого существа.

В то же время, эти мысли – это унифицированный вид изоляции молекулярного пространства и именно им принадлежит ступень перехода из состояния "А" в состояние "В", условно обозначенные, как живое и мертвое.

Мысли содержатся в пространственной среде, как свободно передвигающаяся единица той же среды. Они отображают полностью практику воспроизведенного тела и составляют его число, то есть геноопределяемый код.

Под общим именованием "мысли" кроется очень сложная инфракционная структура, содержащая в себе всю основу генетико-информационного заряда.

Разлагая по составу эту сложную структуру, надо определить, как минимум, три вида практического "инкубационного" состояния.

Это вид условно обозначаемый "А", или состояние генетически живого существа; вид "В" или состояние его сферического окружения, или состояние мозговой сети развития; и вид "С", определяемый, как состояние анемационного развития.

То есть, это своеобразно переходящая энергетически спотенцированная единица времени лет исчисления. В общем тот самый геноотлагаемый код в виде присутствия геноторальных единиц состава среды инплацентного давления.

Ретфорд внимательно изучал систему сохранения и пытался понять досконально, под воздействием каких величин осуществляется тот самый переход из жизни в смерть и наоборот.

Также выяснилось, что реокупация среды, или, по сути, новое зарождение, происходит путем своеобразного динамического характера сращивания всех указанных величин в единую гибструктуру времени и выявлением единой перспективной генетической единицы самой среды со стороны указанной величины.

Таким образом, все три состояния, а именно – «А», «В» и «С» создавали строго динамическую или ударно-механическую структуру, которая вводилась в среду состояния генетических основ и осуществляла "пробой" времени, то есть выражала вновь зачинающееся генетическое существо.

Из того же источника Ретфорду стало ясно, что душа попадает в среду исполнения живой ткани благодаря существующим радиоспектральным связям самой системы планет. Возможно также и ее искусственное внедрение с помощью какого-то мощного энергетического источника.

Но, в любом случае, душа будет внедрена в самую перспективную единицу генетического исполнения от родопринадлежности.

"Итак, – решил для себя Ретфорд, – для того, чтобы попасть домой, надо всего лишь умереть. Но это нужно сделать только в пределах существования особой активной связи между планетами системы. Это значит, надо достигнуть пределов внутренней космической среды и уже там осуществить задуманное. Да. Теоретически рассуждается легко, – с впечатлением для себя сказал Ретфорд, – но вот на практике, дело обстоит хуже. Даже самому знающему не хочется покидать свое брэнное тело”.

Пилот встал и прошелся по комнате. Времени для раздумий было еще достаточно. Судя по планам полетов, к Земле они должны пойти месяца через два.

– Что ж, этого достаточно, чтобы ознакомиться со всем еще лучше и принять однозначное решение, – решил для себя Ретфорд и, немного передохнув, вновь включил устройство для продолжения занятий.

Прошло чуть более их недели. Они слетали еще в одно место и возвратились обратно, пополнив численность планеты на несколько единиц. За это время Ретфорд преуспел во многом.

Во-первых, разобрался до конца во всем навигационном оборудовании, осуществляющем захват, и, во-вторых, понял суть всякого возникновения жизни или перехода из состояния жизни в состояние смерти и наоборот. Но, к сожалению, ему это не придало уверенности.

Слишком скоротечными были его знания и мало подтверждались на личной практике.

Как и всякий другой человек, Ретфорд все же боялся смерти, ибо знал, что как таковой жизни после нее нет. Даже переходное время нельзя считать жизнью. Это всего лишь какое-то безоблачное состояние души.

Только так можно отразить этот период времени.

По крайней мере, таким он кажется для того, что остается после смерти телосущества. Но все же, несмотря ни на что, пилот твердо решил, что сделает задуманное и возвратится на Землю.

Единственной проблемой для него было осуществление выхода за пределы корабля и удаление в зону связи планет Солнечной системы.

Этот вопрос больно ударял по самолюбию пилота и почти загонял его в тупик. Но выход, как всегда, пришел неожиданно.

На очередном захвате потребовалась помощь в удалении присоединившихся к корпусу корабля веществ и выход осуществился сам собой.

Кроме этого, Ретфорд узнал, что можно вполне пользоваться системой навигационного оборудования существ, которые осуществляли надзор за Землей.

В общем, нужно было всего лишь удалиться от корабля после захвата и воспользоваться системой наведения других человекоподобных существ.

Но трудность здесь состояла еще и в том, как они сами отреагируют на подобное. Кроме того, экипаж корабля так же не был заинтересован в его побеге.

Значит, нужно было что-то придумать.

И тут Ретфорду пришла мысль.

"А что, если просто поговорить с командиром в открытую. Возможно, он меня поймет и даже согласится сопроводить до самой Земли или хотя бы до пределов тяготения”.

Здесь был, конечно, риск. Его могли просто не отпустить и переформировать в какое-то роботосущество.

Но, кто мог бы упрекнуть человека в том, что он хочет возвратиться на Землю. Даже с точки зрения той цивилизации это выглядело вполне понятно.

На том Ретфорд и порешил.

Но заранее бесед вести не стал, а лишь дождавшись непосредственного сближения с Солнечной системой, вступил в разговор.

– Вы действительно хотите вернуться? – искренне удивился командир.

– Да, хочу, – ответил Ретфорд, стараясь смотреть тому прямо в глаза.

– Но почему? Разве так плохо там, где мы сейчас живем?

– Нет. Вовсе нет. Я бы сказал, даже хорошо, – ответил пилот, волнуясь, – но в том и причина, что это так. Я бы хотел, чтобы и на Земле существовало что-то подобное.

– То есть, вы хотите изменить мир? – поинтересовался командир.

– Может и не изменить, – засомневался Ретфорд, – но попытаться хоть что-то рассказать людям и повлиять на их ум. Возможно, это сохранит многих от бед постигающих и даст преимущество жизни над смертью.

– Благородные цели, – согласился командир, – но вряд ли будут осуществимы.

– Почему? – еще сильнее заволновался пилот.

– Вы ведь попадете не в том состоянии, что сейчас.

– Да, я это знаю.

– Так вот. При дешифровке ваша часть умодостижений уйдет или просто поглотится средой. Говоря проще, ваш ум немного разойдется по сторонам. Чтобы его собрать, нужно большое усилие. Но даже этого мало. Здесь нужна особая поддержка.

– Какая же?

– Со стороны ваших величин сопутствия, – ответил командир и указал на появившуюся на экране систему оборудования тех, о ком говорили.

– Да, но как я свяжусь с ними. Неужели они будут со мной разговаривать?

– А почему бы и нет? Вы ведь их продукт развития. К тому же они ведь и сами заинтересованы в подобном. А по поводу связи, то это уже мое дело. Я могу это сделать без всякого труда.

– Так вы согласны меня отпустить?

– Я согласен. Но в этом случае должны принять решение и другие. Потому, мы соберемся все после выполнения задания и обсудим этот вопрос.

– Хорошо, – ответил Ретфорд и удалился к своему рабочему месту.

Вскоре они приступили к выполнению задания, и на это ушло некоторое время. После, все собрались в одном месте и приступили к обсуждению. Говорили мало. Суть вопроса была ясна.

Человек захотел вернуться на Землю. И это было всем вполне понятно. Спустя совсем немного времени, все проголосовали "За" и отпустили члена экипажа, как говорят, на все четыре стороны.

Но самое впечатляющее было впереди.

Командир вышел на связь с теми самыми существами и кратко изложил суть вопроса, переходя на своеобразный общекосмический язык.

Долго ждать не пришлось. Спустя время, от системы отделилась единица оборудования и вплотную подошла к их кораблю для стыковки.

– Ну, что же, счастливо вам, – на прощанье сказал командир Ретфорду, когда тот попрощался со всеми, – желаю удачи и достижения целей. Думаю, вы добьетесь нужного. Привет Земле.

– Спасибо, командир, – ответил человек и крепко пожал протянутую руку.

– Совсем по-земному, – ответил тот и улыбнулся.

Ретфорд в последний раз махнул рукой и пошел по коридору стыковки, на встречу с теми, кого именовали так же человеками.

Спустя какие-то секунды по другую сторону корабля его встречали другие.

Их немного суровые лица Ретфорд запомнил на всю жизнь.

Но, когда он переступил, так называемый, порог та суровость исчезла, и лица, его окружившие, озарились улыбкой.

– Ну, здравствуй, землянин, – сказал один из них и протянул для пожатия руку.

– Здравствуйте, человеки, – ответил Ретфорд, сильно волнуясь и протягивая в свою очередь руку.

– Ты первый, кто переступил черту нашего звездного дома, – сказал тот же человек, – и хотелось бы мне, чтобы не был последним. Эту горькую правду ты должен знать наизусть. Нет нужды кого-то обманывать. Дела обстоят действительно плохо. И от каждого на Земле и даже от нас зависит многое. Ну, да ладно, что это я сразу о деле. Давай первоначально познакомимся. Нас здесь четверо. Это мои помощники. Есть и другие из такого же числа, что и мы, но они занимаются другой работой. В общем, заботой о Земле, системе в целом и, в частности, самими людьми.

– Как? Каждым? – невольно вырвалось у Ретфорда.

– Да, нет. Немного не так, – ответил, улыбаясь, командир, – да ты проходи дальше, никто тебя не укусит, так, кажется, вы сами говорите.

– Да, почти так, – согласился Ретфорд и продвинулся по тесному коридору вглубь той самой единицы системы, что стыковалась.

– Сейчас мы состыкуемся с кораблем, – на ходу сказал командир, – и перейдем в более свободное помещение.

Ретфорд, ничего не ответив, последовал за всеми, на ходу осматривая стены сооружения и самих человек.

Сходство с людьми было, конечно же, великим, но все-таки расхождения существовали.

И в первую очередь, по цвету кожи и росту.

Габариты человек были значительно больше, нежели земные. Даже сам Ретфорд, имея высокий рост, казался против них намного ниже.

Но не только это различало, так названных им, соседей. Были удивительными их лица, и даже сами тела.

Во всем соблюдались пропорции, и очевидно это придавало оттенок суровости.

Несмотря на внешнее сходство, все члены экипажа отличались друг от друга. И это было действительно самым удивительным для пилота.

Спустя некоторое время все перешли на борт корабля и расположились в кают-компании, чтобы, как сказал командир корабля, поближе познакомиться и принять решение.

– Располагайся поудобнее, – сразу сказал главный, – разговор будет долгим и даже немного нудным. Но, раз такое произошло, то значит, надо придать этому значение и выяснить аспекты дела до конца.

– Хорошо, – ответил Ретфорд и, усевшись в немного большем для него кресле, принялся внимательно слушать, что ему скажут эти большие человеки, очень похожие на людей и даже прибегающие к их простому общению.

Командир начал издали. Кто он, откуда, кто другие, почему здесь и так далее. Затем разговор перешел в русло дня настоящего и осветил все события, нужные для обоюдного понимания.

И уже в конце командир обрисовал вкратце все задачи самого Ретфорда и указал на сроки их исполнения.

– Так и знай, – как итог всему, он подвел свою речь, – к году векового начала все вопросы должны быть исчерпаны. Думаю, это понятно.

– Да, – ответил Ретфорд, кивая головой, которая от всего узнанного казалась такой тяжелой, как будто ее набили камнями.

– По ходу я буду комментировать события, а иногда, регламентировать процессы, – сказал еще тот большой человек, – в общем, держись на связи и не позволяй лишнего в плане чисто земного. Это особое условие нашего сотрудничества. Что поделаться, если так неудачно складываются обстоятельства. А теперь перейдем к другой теме нашей беседы. Сейчас мы осуществим небольшую экскурсию по борту корабля, и я объясню, как и чем все будет достигаться. Это нужно, в первую очередь, тебе самому. Все не придет сразу. Оно будет постепенно раскрываться. Ничего не поделаешь. Человек не машина. Из него нельзя изъять знания, как с магнитофонной ленты. Генетика памяти имеет свой вид расшифровки. Конечно, опустившись на Землю, ты вообще ни о чем знать не будешь. Но это будет в голове и со временем оно начнет воспроизводиться. Можно даже сказать, что это будет программа в какой-то степени, но именно так все же думать не следует. То есть, нельзя полагаться именно на это. Понятно?

– Да, – кивнул Ретфорд и, поднявшись, последовал за командиром.

Экскурсия была не особо длительной, но зато особо познавательной. Многое Ретфорду становилось яснее, и уже с этой точки зрения он понимал, что ранее задуманный им самим план, мог бы попросту и не сработать.

Слишком много нюансов, как говорил командир, на пути продвижения к цели.

К тому же, они сами вели своеобразные исследования и определяли место кому-либо как на Земле, так и в космосе.

Спустя какое-то время их беседа завершилась, а тело Ретфорда было генерировано в другую молекулярную структуру.

Теперь его рост был таким же, как и у других, а выражение лица также соответствовало суровости.

На этом день первый его знакомства был завершен, и как обычный человек и член экипажа, он отправился отдыхать.

А наутро обучение продлилось снова. И вновь его водил за собой командир, лишь изредка подключая к беседе других членов экипажа.

– Такова моя обязанность, – говорил он недоумевающему Ретфорду, – дело экипажа корабля заниматься своими обязанностями. Мое же – состоит во многих обязанностях, не исключая и подобные объяснения.

Ретфорда обучали многому. На его удивление, знания вкладывались в голову легко и просто.

Очевидно, сказывалась база ума уже пройденного. А возможно, при генерации произошло некоторая умственная состоятельность.

Так или иначе, но процесс его развития шел, а знания день ото дня увеличивались.

Наконец, наступил день, когда командир сказал: "Достаточно", и Ретфорда перевели на режим чисто сфокусированного изображения.

Иначе говоря, тело его исчезло, но сам он как бы существовал в почти подобной, указанной ранее среде, и мог даже говорить, чтобы его слышали.

Можно сказать, что это было лишь его фотогеническое отображение, как бы парящее в воздухе и умеющее передвигаться, говорить, слушать и, конечно же, видеть, мыслить.

Это был подготовительный период к его возвращению на Землю.

– Мы сделаем великую работу, – как-то загадочно сказал командир Ретфорду на прощанье, – и, прежде всего, немного удивим некоторых "особо умных" из земной среды. Самым первым твоим делом будет возвращение в свое же прежнее тело.

– Где оно сейчас? – спросил, в свою очередь, Ретфорд.

– На Земле, конечно, и уже под землей, – ответил командир, – время несколько изменило его, но ты восстановишь прежнюю величину за счет своей высокочастотной индуктивности. Правда, для этого потребуются еще немного усилий и других. Но об этом позабочусь я сам. Твое задание войти в тело и вернуть его к жизни. Остальное уже по плану дальнейшему.

– Как я его обнаружу, – уточнил Ретфорд.

– Система направит твое состояние внутрь среды. Далее произойдет сосредоточение или оккупирование другими частицами и уже вместе ты войдешь сам в свое тело. Эти частицы самонаведения будут изъяты из твоей собственной гиперборативной среды и создадут действенную энергетическую систему роста.

– Это ядро?

– Да, это ядро. Там содержится та элементарная частица. Точнее частицы, так как их много. Это наработка времени от участия тел в процессе общего развития. Теперь ясно?

– Да, вполне. Когда отправка?

– Ты уже торопишься?

– Да, хотелось бы напугать кое-кого, – почти засмеялся Ретфорд, если так можно сказать о его состоянии.

– Ну, панику не вызовешь, – сказал командир, а вот друзей из беды выручишь. А объяснить все это смогут другие. Можешь не переживать. Ученые что-нибудь придумают и, как всегда, закрасят по-настоящему простой возврат человеческой души.

– Долго я буду восстанавливаться? – спросил Ретфорд просто из любопытства.

– Дней семь-восемь, в зависимости от условий.

– Неплохо.

– Да, хочу предупредить. Вначале ты будешь ощущать себя роботом, и почти так же будешь передвигаться. Система войдет в норму где-то дней через одиннадцать – двенадцать после восстановления.

– А от чего произойдет насыщение телосреды?

– Из грунтовой опоры, – объяснил командир, – геослои воссоздадут нужную для реабилитации мощь. Так что, подпитку ты получишь из состава самой среды.

– Это, как растение?

– Да, почти так же, но не совсем. Такое насыщение происходит путем свободного давления от воздействия энергетической структуры, вложенной в тело полураспада. Она выбивает необходимую мощь и укрупняет единицы в составе тела. Собственно, на это и уходят те семь-восемь дней, о которых я говорил.

– Наверное, это интересно со стороны?

– Не знаю, – засмеялся командир, – как кому. Но, хочу предупредить вот о чем. Ты долгое время не сможешь употреблять пищу, как простой человек. Восстановленный телоорганизм будет долго приспособливаться. Где-то около полугода. Это примерно так, как после голодания, но, конечно же, гораздо сложнее и серьезнее. Ну что ж, основное я тебе сказал, а остальное доработаешь сам уже на Земле. Когда желаешь отправиться?

– Да, можно уже сейчас.

– Хорошо, я подготовлю отставку. Да, чуть было не забыл. Вместе с тобой последуют несколько моих работ. Они будут соединены между собой. Потому, не удивляйся различным совпадениям или случайностям, как то принято говорить на Земле. Ну, все. Удачи тебе, Ретфорд. Привет Земле. Давно не был там. Только вот сверху и смотрю.

– Я передам, – скромно ответил пилот и погрузился в своеобразную задумчивость.

Командир вышел, и спустя немного времени вся система пришла в движение.

Человек отправился на Землю в поисках своего, давно усопшего тела и с целью выполнения своей собственной задачи. Так было нужно ему самому, и так было необходимо для всей Земли в целом.

Опускаясь, Ретфорд думал и думал. Казалось, мысли окутывают его с ног до головы и, уже войдя в среду, он словно встрепенулся и как бы проснулся и в то же мгновение ощутил сам себя в теле своего бывшего выражения.

Дальше наступил сон, мысли отступили в сторону, а все окружающее обрело незримую пространственность, вплоть до глухоты и какого-то внутреннего переживания за свое состояние.

Наступал час воскрешения тела из былины недавнего прошлого.

Глава 6. Возведение

Пробуждение было немым и активным.

Вначале содрогнулись руки, затем ноги, потом голова и тело. Увявшие ткани сразу взбухли и напряглись.

Через секунду послышался треск, и голова наполнилась веществом. Но то не было еще мозгом. Пока это была лишь его реконструирующая деталь.

Ретфорду практически не мыслилось. Что-то давило его со всех сторон и везде во всем чувствовалось какое-то закупоренное давление.

Первоначально дернувшись, тело вновь застыло, ткани обмякли, и наступил минутный покой.

Спустя время, произошел толчок откуда-то снизу, и тело в буквальном смысле поднялось в месте своего почивания.

– Раз, два, три, – мысленно слабо отсчитал Ретфорд, и тело вновь опустилось на место.

Начали функционировать руки, шевеля пальцами и поднимаясь вверх, в стороны. Дальше наступил черед ног, потом тела и головы.

Через несколько минут все это прекратилось. Мысли вновь уплыли в сторону, а их место заняли пустота и темнота.

Глухота сменилась каким-то непонятным шумом с потрескиванием и даже повизгиванием.

Спустя пять минут наступил сон, тело обрело спокойствие, вместе с тем, не теряя свою упругость.

Так продолжалось долго. Время от времени Ретфорд как бы просыпался, но чувствуя какое-то давление, вновь окунался в небытие.

Вместе с тем, шум усиливался. Давление внутри возрастало.

Скрип или повизгивание несколько снизилось.

Кожа начала свое восстановление. Откуда-то со всех сторон шла невероятная сила.

Она наполняла собой тело и прибавляла время от времени ему вес.

Спустя пять дней, тело обрело статус живого. Оно начало двигаться во все стороны, руки и ноги ходили ходуном, голова вертелась, а глаза наполнялись жидкостью.

Внутри все менялось. В этот период Ретфорд не просыпался.

Его мучили какие-то кошмары, но отбросить в сторону он их не мог. Слабо появлялись какие-то мысли, но тело их отталкивало, желая восстановить вначале свою величину.

Прошло еще два дня.

Тело обрело свежесть и даже покрылось небольшим количеством зерновых пятен мокроты. Это была роса свежести.

Тело становилось обычным, но, в то же время, до изнеможения высушенным и на вид очень бледным.

По сути, это были кожа да кости, но они могли двигаться и обладали способностью стойкости сопротивления среде внешнего давления.

На восьмой день забилось сердце. Вначале медленно, затем сильнее и чуть позже – чаще, чем обычно. Это был шаг к пробуждению всего организма, сильно потерянного во времени.

В тот же день снаружи начались раскопки. Кто-то усиленно пытался добраться до мощей и изрядно потел при этом, издавая охи, да всхлипы.

Ретфорд открыл глаза.

Голова уже не была такой пустой, как вначале, и он с удивлением обнаружил себя в каком-то замкнутом пространстве.

Мысли усилились при малейшей попытке работы ума, и это вывело тело из состояния онемения.

Оно ожило, хотя внешне и не особо обладало такими качествами. Это был живой труп, пока еще находящийся под слоем земли, но уже передвигающийся и способный к исполнению какого-либо участка работы.

Ретфорд напряг мысли и окунулся в воспоминания. Программа восстановилась.

"Сейчас дойдут, – думал он про себя, – надо подготовиться к встрече".

А снаружи кипела работа. Двое парней в каких-то серых одеждах хорошо орудовали лопатами, добираясь к заветной цели.

На дворе стояла ночь. Светила ярко луна, освещая окружающую территорию, а откуда-то сверху падал луч фонаря на место самой выработки.

– Что-то долго мы возимся, – сказал один другому, – ты место не перепутал?

– Да нет же, – ответил второй, – вот я днем отмечал, – и он попытался что-то показать.

– Ладно, ладно, давай работай. Потом будем обсуждать.

И они снова дружно взялись за работу. Прошло еще несколько минут. И вот первая лопата заскребла по крышке сохранившегося гроба.

– Пора, – про себя отметил Ретфорд и начал подниматься с непонятной ему легкостью.

Силы хватило, чтобы отбросить в сторону крышку и резко выпрямиться во весь рост.

От ужаса у бедных копак отвалились челюсти, а тела застыли в мертвом молчании.

Ретфорд, в труде рассмотрев их обоих, шагнул вперед и взобрался по опущенной небольшой лестнице наружу.

Тело ломило, словно после каких-то невероятных упражнений.

Боли особо не чувствовалось, но где-то внутри она уже собиралась. Взобравшись наверх, Ретфорд посмотрел вниз и тихо сказал, немного растягивая слова:

– Спасибо, ребята, за помощь. Не стоит прибегать к рассказам. Вам мало кто поверит. Ваша могила следующая по счету. Очевидно, вы ошиблись. Пока, друзья, – и пилот зашагал куда-то вперед.

Тело его резко выбрасывало вперед ноги и всю качалось, издавая изнутри тихий скрежет. Руки ходили вдоль тела, словно какие-то детали машин вокруг одной оси, также издавая внутренний скрежет и, то и дело, затормаживаясь в движении.

Со стороны это выглядело чудовищно.

Представить, сразу поднимутся волосы на голове даже у самого выдержанного.

Даже Ретфорду это казалось несколько диким, хотя он прошел уже многое, повидав и не такое.

– Ничего, – так же растягивая слова, говорил он сам себе, – это пройдет со временем. Надо адаптироваться. Надо где-нибудь переждать и развить мышечно-костную группу.

Так думая, он двигался по освещенной луной дороге в сторону каких-то зданий, издавая издали казавшимися мертвыми и глухими.

Небольшой ветер шуршал листвой и делал его поход практически бесшумным.

Передвижение шло пока медленно. Но спустя немного времени, добавилось сил, и дело прошло быстрее.

– Хоть бы никого не встретить, – тихо проговорил Ретфорд, всматриваясь в окружающую темноту.

К счастью, никого поблизости не наблюдалось, кроме тех двоих, очевидцев всего этого дела.

Ретфорд прошел еще немного и остановился возле одного дерева.

– Зря я туда иду, – подумал он вслух, – там ведь люди, а мне нужно побыть пока одному. Надо что-то придумать. Ага, вот что. Надо где-нибудь спрятаться на время в этом небольшом лесу. Поживу недельку, попью водички, тело немного посвежеет. А то, как смерть ходячая, только ужас и наводит.

На этом он и порешил, а спустя немного, свернул в другую сторону и, пройдя еще порядочное для него расстояние, выбрал место для двухнедельного отдыха, точнее адаптивирования.

Постояв немного, Ретфорд сел на землю.

Холода он не чувствовал. К тому же погода не была холодной, да и сама земля также.

Прислонившись к дереву, Ретфорд через минуту уснул. Но это состояние вряд ли можно было назвать сном. Скорее, просто забытём на какое-то время.

Открыв глаза в следующий раз, Ретфорд увидел, что наступил день.

Солнце стояло высоко в небе и хорошо согревало его бренное тело.

Морщины начали понемногу разглаживаться, а спустя час обрели вид какой-то тонко сложенной кожи.

Тепло достало аж до костей. Внезапно по телу пробежала судорога. Ретфорд почувствовал резкую боль в области поясницы.

– Так, начинается световое восстановление, – тихо прошептал он в окружающей его тишине, – надо найти источник питья. Это несколько ускорит процесс. Но торопиться не следует, – сам себе продолжал говорить он, – надо обождать спада светопотока и испить вечернюю влагу.

Так он и поступил спустя некоторое время. В свою очередь, боль потихоньку усиливалась.

– Очевидно, падающий светопоток восстанавливает систему нервных окончаний, – про себя отметил пилот, – надо терпеть, ничего не поделаешь, – и он на время окунулся в забытие.

К вечеру Ретфорд двинулся в путь. Побродив немного, он наткнулся на какую-то лужу и испил из нее воды, совсем немного. Внутри будто все обожгло.

Ретфорд на минуту опустился на землю и полежал. Боль немного утихла. Он снова прильнул ртом к воде и сделал глоток.

Первое ощущение повторилось, но уже слабее.

– Хорошо, – отметил Ретфорд, – и, испив еще глоток, решил возвратиться обратно.

– Но зачем? – тут же пронеслось в голове, – разве там у меня дом? Можно ведь и здесь расположиться.

Через минуту Ретфорд обустроился уже на новом месте и, закрыв глаза, сразу погрузился в сон.

Так прошла вся ночь.

Утром, где-то на восходе пилот проснулся и вновь испил воды из лужи.

Дело пошло лучше. Жжение почти прекратилось и только тупая боль иногда давила как бы со стороны на его внутренние органы.

– Интересно, что там, – подумал Ретфорд, глядя на свой живот и вообще тело, – а впрочем, какая разница, – продолжил он, – что там есть. Важно, что я существую и чувствую себя так, словно никогда и не покидал Землю. Да, это самое интересное. И главное в памяти все сохранилось вплоть до последнего выброса в среду.

Ретфорд встал и походил вокруг. Тело становилось более послушным, но скрежет все же присутствовал.

– Мало воды, – отметил пилот, – но, что поделать, надо потихоньку входить в норму. Здесь не те условия, что на других планетах.

Так, изо дня в день, пребывая в одном и том же месте, Ретфорд набирал силу и потихоньку восстанавливал тело.

Вода потреблялась с каждым разом все больше и больше, а спустя две недели его пребывания, он мог выпивать почти литр за один раз.

Тело значительно поправилось.

Морщины исчезли, кожа стала обыкновенной, а глаза полностью восстановились, делая зрение, наверное, даже лучшим, чем оно могло быть при обыкновенной жизни.

Некоторая сухость все же не исчезла. Но это было уже не то, что вначале. Ретфорд, наконец, начал походить на человека, хотя и сильно исхудавшего за какое-то время.

Бала еще одна проблема.

Надо было достать одежду. Его обветшавшие лохмотья не совсем соответствовали бы виду простого человека.

Потому, пробыв еще три дня на том же месте, немного подправившись и окрепнув, Ретфорд двинулся на поиск нужного.

Долго ему ходить не пришлось.

Побродив по округе кладбища, он нашел то, что искал.

Испуганные им до смерти люди впопыхах побросали свои одежды на том же месте, да так и удалились без них.

Могила рядом стояла нетронутой.

Надо отметить, что место здесь было немного пустынным и, судя по всему, люди навещали сюда редко.

Грустно вздохнув, Ретфорд подобрал себе необходимое и, прибросав сверху свою могилу, удалился навстречу новому.

Надо было отыскать какое-нибудь другое место и попробовать адаптироваться в иных условиях быстрее, хотя и торопиться особо было некуда.

На всякий случай, он привалил свою старую одежду небольшой горсткой земли и, сломав ветку с дерева, оставил ориентир.

– Так будет лучше отыскать в случае чего, – сам себе сказал он и удалился с этого гнетущего места, направляясь к дороге, ведущей в город.

Спустя какое-то время, он уже бодро шагал вдоль серых зданий и непонимающе осматривался по сторонам.

– Судя по всему, – говорил он, – меня похоронили в каком-то другом месте. Что-то я не припоминаю этих серых заборов и зданий.

Да и кладбище, какое – то заброшенное, словно туда и не ходит никто.

И тут его посетила еще одна мысль.

– А может меня затолкали в яму близ того самого места, где содержатся мои друзья. Очевидно, так оно и есть. Эта серость и угрюмость очень хорошо за себя говорит. Значит, о моей кончине либо не знают, либо все это содержится в тайне. Но, что мне делать тогда? – задал он сам себе вопрос, – появившись я среди тех, кого я знал прежде, они ведь этому не поверят и скорее упекут меня снова туда же, откуда пришел. Но, в таком случае, я снова выйду, и буду околачиваться возле их не очень дружелюбного здания. Значит, выход у них один. Оставить меня и друзей в покое. Можно пойти на компромисс, обрести новое имя и документы благодаря им же. Думаю, мы заработали хоть какой-то отдых за время тех совместных испытаний. К тому же, мне положена даже награда. Но, собственно, это мне и не нужно. Надо только освободить друзей и совместно отправиться в путь, вершить дела другого рода. Но как вот встретят меня они сами? Вот еще вопрос. Не сойдут ли с ума? Да, нет, не думаю. Если они хоть что-то уже познали, то и это не будет для них невероятностью.

Рассуждая, Ретфорд почти вплотную приблизился к одному из зданий. Там стояла охрана.

Поднимаясь по небольшой лестнице к входу, пилот издавал небольшой шум в виде скрежета и тихого скрипа.

– Вы кто, ветеран? – сурово спросил его один из охранников, осматривая его с ног до головы.

– Нет, я мертвец, – спокойно ответил Ретфорд, – и мне нужно внутрь.

– Туда нельзя без особого разрешения, – ответил охранник, – а шуточки ваши здесь неуместны. Я могу вполне вас сдать в полицию, а те определят, где ваше место.

– Спасибо, не надо, – ответил Ретфорд, натягивая складки кожи на лице и улыбаясь, – но мне действительно нужно сюда, поговорить с моими коллегами. Бывшими коллегами, – поправился он и вновь улыбнулся охраннику.

– В любом случае, нужно разрешение, – невозмутимо ответил тот и отвел взгляд в сторону.

– А, где его приобрести?

– Вон там, – указал охранник и ткнул пальцем куда-то в пространство.

Ретфорд спустился по лестнице и зашагал в нужном направлении. Спустя немного времени, он уже входил в приемную того заведения и осматривался по сторонам.

– Вы кого-то ищете? – сразу устремила к нему какая-то женщина в темном костюме и весьма строгим взглядом.

– Да, я хотел бы приобрести разрешение на встречу с моим другом, доктором Уренсоном.

– А, кто вы ему? – как-то обеспокоенно спросила женщина и осмотрелась по сторонам.

– Я же сказал, друг, – ответил Ретфорд, – по работе.

– Но господин Уренсон уже давно не работает и вряд ли у него вообще остались друзья.

Вас что, подослали сюда газетчики? – сурово спросила она.

– Нет. Я сам по себе.

– Назовите имя и предъявите документы, – потребовала женщина.

– Их у меня нет, к сожалению. Судя по всему, они пребывают в чьих-то надежных руках.

А имя мое – Блау. Ретфорд Блау. Знаете такого?

– Вы не тот, за кого себя выдаете, – сразу отчеканила женщина, – хотя внешнее сходство и имеется. Пилот Блау погиб при испытании. Я это точно знаю, и уж поверьте, что меня не проведешь. Говорите, кто вас сюда послал?

Ретфорд на секунду задумался, а потом ответил.

– Никто. Я сам пришел из того света.

– А-а, понятно, – протянула она и сразу нажала какую-то кнопку.

Вмиг выскочила охрана и окружила его со всех сторон.

– Возьмите его, – сказала женщина, гордо вздымая голову и надувая щеки, – это, наверное, какой-то доброволец. Ничего, пригодится. Будет на ком экспериментировать.

– Подождите, – остановил движением руки Ретфорд, – я еще не все сказал.

– И что же вы намерены нам сказать? – немного с издевкой спросила женщина.

– Ничего особенного, – ответил Ретфорд, – но соприкосновение со мной для вас всех просто пока опасно.

– А-а, мы эту песню знаем, – рассмеялась женщина, откидывая голову назад.

– Нет, не знаете, – ответил Ретфорд, – вызовите лучше того, кто определил доктора Уренсона в это заведение. Я буду говорить с ним. Думаю, мы сможем понять друг друга.

– Но вы же опасны. Как я могу допустить что-либо подобное, – и женщина вновь рассмеялась.

– Поймите, я не просто человек. Я человек с того света. В буквальном смысле этого слова. Всего несколько недель назад я выбрался из своей могилы и вот, наконец, пришел сюда.

– Ага, понятно, – констатировала служащая. – С такими тоже приходилось встречаться. Сопроводите, пожалуйста, этого господина в одну из свободных комнат. Пусть им займутся врачи.

– Хорошо, мэ, – ответили охранники и, загребая пилота под руки, потащили куда-то вглубь здания.

– Подумайте над моими словами, – бросил женщине Ретфорд, удаляясь все дальше и дальше от входной двери.

– Подумаю, – ответила та и с улыбкой отправилась в служебное помещение.

Вскоре послышался ее короткий с кем-то разговор, а после возникли, словно из-под земли, еще два человека, став перед ней навтыжку.

– Сходите на кладбище и осмотрите могилу Ретфорда Блау. Потом доложите. Что-то мне здесь не все ясно, – рассердилась женщина и жестом руки отправила подчиненных.

– Ну, а я пойду, познакомлюсь поближе, – быстро приказала она сама себе и направилась следом за охраной, увлакивающей Ретфорда вглубь широкого и длинного коридора.

Глава 7. Знакомство

Ретфорда заволокли в комнату и усадили на одну из стоявших там кушеток.

Охрана отступила немного назад, оставив его на время в покое. Спустя пять минут туда вошла уже знакомая женщина в сопровождении двух человек, судя по всему, врачей.

– Кто вы? – сразу быстро обратился к нему человек повыше.

– Ретфорд Блау, – ответил пилот, – я уже говорил вашей служащей.

– Она не служащая, – ответил в свою очередь другой, – она заместитель директора данного заведения.

– Мне все равно, – ответил Ретфорд, – я хочу видеть доктора Уренсона и человека, который поместил его сюда.

– Зачем? – строго спросил его второй.

– Мне нужно побеседовать.

– О чем?

Ретфорд немного замялся, а затем быстро ответил:

– О жизни, – и, чуть помедлив, добавил, – и о смерти.

– Хорошо, – спокойно сказал первый, – мы допустим вас к нему, но вначале вы должны пройти обследование.

– Какое?

– Самое обычное. Это своеобразный тест на психику и нормальность физического состояния.

– А зачем?

– Вы ведь утверждаете, что с того света? Не так ли?

– Да, так. Но какое отношение это имеет к моей беседе и просьбе?

– Самое прямое, – на этот раз ответила женщина, – и лучше вам добровольно пройти тест.

– Хорошо, – согласился Ретфорд, – я согласен. Где будет проходить осмотр?

– Пройдемте, – сказал высокий и жестом указал на дверь.

Ретфорд встал. Охрана стала по бокам, и они все вместе вышли в коридор, переходя в другую комнату.

В ней находилась масса различной аппаратуры, среди которой было всего несколько рабочих мест.

Ретфорда усадили на одно из них, другие же заняли свои места. Охрана стояла у двери.

Блау снарядили какими-то тонкими иглками, облепив ими практически всю голову и отдельные участки тела. Затем дали в руки нечто вроде карандаша и велели письменно отвечать на вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.